

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Раздел I. Самооценки и опасения.....	10
Что происходит с материальным положением населения.....	10
Как меняется физическое и психологическое самочувствие россиян.....	14
Каких последствий кризиса россияне опасаются больше всего.....	19
Раздел II. Поведение и адаптация к кризису.....	26
Приспосабливаются ли россияне к новым условиям жизни.....	26
Какие реактивные и проактивные практики применяются.....	31
Сравнительные стратегии наемных и самозанятых работников.....	36
Как меняется финансовое поведение населения.....	49
Как складываются потребительские практики населения.....	64
Насколько распространены покупки поддельных товаров.....	71
Возрастает ли потребление аддиктивных веществ.....	77
Меняется ли потребление новостей.....	81
Как используются социальные сети и мессенджеры.....	87
Раздел III. Семья и планы на будущее.....	92
Как восприятие кризиса влияет на внутрисемейные отношения.....	92
Что происходит с репродуктивным поведением россиян.....	96
Есть ли у россиян долгосрочные планы.....	101
Выводы.....	105
Литература.....	113
Об авторах.....	119
Лаборатория экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ.....	121

Уважаемые читатели!

Социальные науки — это широкая и динамично развивающаяся область знания, охватывающая такие направления, как демография, государственное и муниципальное управление, политология, психология, социология. Несмотря на то что предметные поля, содержательные вопросы и теоретико-методологические подходы у названных направлений социальных наук могут существенно различаться, все они объединены общим фокусом на изучении сложного и многогранного бытия человека как представителя социума и совокупности разнообразных отношений и взаимодействий, возникающих в ходе общественной жизни. Это и вопросы о восприятии человеком окружающего мира, и представления о нормативном и фактическом устройстве общества и государства, и взаимодействия в рамках или вне рамок сложившихся общественных институтов, и даже кажущиеся порой импульсивными индивидуальные решения, стоящие за общими демографическими тенденциями. Уследить за современным состоянием научной дискуссии по всем названным выше вопросам, не говоря уже о бесчисленном множестве неназванных проблем, — задача трудновыполнимая и требующая поистине энциклопедических знаний, столь редко встречающихся в современной науке в связи с ее высокой специализацией.

Не претендуя на создание энциклопедии современных социальных наук (это совершенно иной жанр!), мы приняли решение о создании серии Научных докладов факультета социальных наук Высшей школы экономики как публичной площадки, на которой ведущие специалисты нашего факультета могли бы поделиться с широкой аудиторией полученными ими свежими научными результатами, представленными в контексте современного состояния той или иной проблемной области социальных наук. У Научных докладов факультета социальных наук отсутствует жесткая предзаданная структура: некоторые из них будут посвящены презентации результатов одного крупного исследования, предлагающего одномоментный срез широкого круга вопросов; другие доклады представят вниманию читателя обзор серии исследований, проведенных разными коллективами факультета. Объединяющей чертой Научных докладов факультета социальных наук будет опора на современную научную методологию, предлагающую обоснованные ответы на поставленные вопросы.

Открывает нашу серию научный доклад, подготовленный коллективом Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ под руководством д.э.н., профессора В.В. Радаева. Экономическая социология — одно из флагманских направлений факультета социальных наук, интегрирующее фундаментальное знание и прикладные исследования. Эта интегральность проявляется и в теме доклада: «Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения».

Уверен, что научные доклады нашей серии займут достойное место в библиотеке читателей и вскоре завоюют их любовь. Потому что современные социальные науки — это завораживающий поиск ответов на актуальные вопросы, затрагивающие всех и каждого.

Председатель редакционного совета
д.филос.н., профессор

А.Ю. Мельвиль

ВВЕДЕНИЕ

Периодически возникающие кризисы являются неотъемлемой частью социально-экономической жизни. Они ломают сложившиеся тренды и устойчивые отношения, разворачивают динамику макропоказателей и меняют повседневные практики населения. Эти кризисы имеют разные основания. Они могут вызываться внутренними причинами, связанными с резкими изменениями экономической политики, например проведением шоковой терапии в 1992 г., но чаще порождаются внешними причинами — глобальными шоками, оказывающими воздействие на национальную экономику, или решениями, лежащими вне пределов экономики.

После 1992 г. Россия пережила несколько экономических кризисов. Российский банковский кризис 1995 г. был вызван каскадом банкротств кредитных учреждений, спровоцированным в том числе ужесточением бюджетных ограничений со стороны Центрального банка РФ и возникшей паникой вкладчиков, стремившихся забрать свои вложения. Финансовый кризис 1998 г., ставший отголоском Азиатского кризиса 1996–1997 гг., выразился в дефолте по государственным казначейским обязательствам и последовавшей обвальной девальвации рубля (400%). Оба кризиса были связаны со значительным снижением валового внутреннего продукта (по 4–5% за год), резким падением реальных располагаемых доходов населения (доходов за вычетом обязательных платежей, скорректированных на инфляцию) — на 15% в 1995 г. и на 16% в 1998 г. (затем еще на 12% в 1999 г.), высоким уровнем безработицы (9 и 13% соответственно) и ситуацией, когда около четверти населения оказалась за чертой бедности. Но в обоих случаях за глубоким обвалом следовало относительно быстрое восстановление в течение года-двух, которое касалось и макроэкономических показателей, и повседневных практик населения, и, например, такого показателя, как индекс потребительских настроений.

За периодом удивительного благополучия 2000–2007 гг., когда среднегодовой прирост ВВП и реальных располагаемых доходов населения составлял 7 и 12% соответственно, последовал очередной кризис 2008–2009 гг. Он также стал частью глобального финансового кризиса, вызвавшего жесткий дефицит ликвидности в российской банковской системе. Этот кризис был относительно мягким для населения. При существенном сокращении в 2009 г. ВВП на 8% и розничного товарооборота на 5% влияние экономического спада на реальные располагаемые доходы населения было относительно умеренным — в 2008–2013 гг. их среднегодовой прирост притормаживает до 3–4%, но все же остается в плюсе. Девальвация рубля незначительна, а уровни безработицы и бедности значительно ниже, чем по итогам наиболее сурового кризиса 1998 г. (8 и 13% соответственно). И вновь относительно быстро, уже к 2010 г., происходит пусть и частичное, но восстановление положительной динамики ВВП, розничного товарооборота и индекса потребительских настроений.

Значительно более затяжной кризис начинается в 2014 г., когда вслед за падением цен на нефть происходит двукратная девальвация рубля, а присо-

единение Россией Крыма сопровождается первыми пакетами международных экономических санкций. В 2014–2016 гг. прирост ВВП спускается фактически до нуля и даже уходит в минус (2015 г.), прирост реальных располагаемых доходов населения также показывает минусовые значения (–2,7% в среднем за три года). Далее в 2017–2019 гг. наблюдаются признаки стабилизации, когда прирост физического объема ВВП держится на уровне 2–3%, а прирост реальных доходов близок к нулю, но все же с небольшой тенденцией к росту, и казалось, что мы оттолкнулись от дна. Но грянувшая пандемия COVID-19 в 2020 г. вновь роняет ключевые показатели — уровень и ВВП, и реальных доходов населения падает за год почти на 3%. Несколько обнадежил 2021 г., показавший, несмотря на продолжение пандемии, заметный прирост ВВП (+4,7%, по скорректированным данным — 5,6%) и реальных доходов населения (+3,1%). Но надежда жила недолго. С разворачиванием в 2022 г. специальной военной операции начали вводиться один за другим многочисленные пакеты все более ужесточаемых международных экономических санкций, из России стали уходить глобальные участники рынка, разрушались налаженные технологические и логистические связи, накатили волны эмиграции, касающиеся наиболее активных групп трудоспособного населения, которые лишь отчасти демпфируются переходом в режим удаленной работы. И по итогам 2022 г. произошло сокращение ВВП на 2,1% (падение ВВП в третьем квартале, когда проводился наш опрос, составило 3,7% в годовом выражении). На фоне ускорившейся инфляции возобновилось падение реальных располагаемых доходов населения. Согласно данным Росстата, по итогам первого и второго кварталов 2022 г. они снизились на 1,2 и 0,8% соответственно, а в третьем квартале падение ускорилось до 3,4% по сравнению с тем же периодом прошлого года. И едва ли падение будет краткосрочным, хотя при этом сообщается о постепенном сокращении в 2022 г. доли бедного населения, преимущественно за счет роста объема социальных выплат.

Таким образом, большинство постсоветских экономических кризисов имело финансовую природу, за которой, в свою очередь, скрывались накопленные структурные диспропорции. В середине 2010-х годов к ним добавились геополитические факторы, а в начале 2020-х — глобальные эпидемиологические шоки. Ситуация стала более сложной.

Влиянию внешних шоков на жизненные стандарты населения в разных странах посвящена многочисленная литература [Alonso et al., 2015; Bono et al., 2016; Monseni-Cheraghloou, 2016; Whelan et al., 2016], фокусирующаяся в том числе на посткоммунистической России [Lokshin, Ravallion, 2000; Ekström et al., 2003; Lokshin, Yemtsov, 2004; Notten, de Crombrugge, 2012]. Но практики совладания с кризисом по-прежнему изучены недостаточно. Еще меньше мы понимаем, в какой мере они зависят от типа кризисов [Kooos, 2017; Monseni-Cheraghloou, 2016], тем более от того особенного, во многом беспрецедентного кризиса, с которым мы столкнулись сегодня.

При классификации шоковых воздействий принято выделять, с одной стороны, транзитные (краткосрочные) кризисы, которые могут сопрягаться с весьма жесткими падениями, но за которыми обычно следует относительно быстрое восстановление с возвратом к прежним трендам, а с другой — перманентные (долгосрочные) кризисы, которые могут быть более сглаженными, но в то же время более продолжительными и оказывающими более сильное влияние на тренды, вплоть до их разворачивания вспять [Stillman, 2001]. Как мы показали ранее, большинство известных нам постсоветских кризисов (1995, 1998 и 2008 гг.) были транзитными. И только начавшиеся в 1992 г. экономические реформы породили, скорее, перманентный кризис с долгосрочными и фундаментальными последствиями для всего социально-экономического устройства страны. Нынешний кризис, начавшийся в 2014 г., явно относится ко второму типу. Его особенности заключаются в затяжном характере (с возможными внутренними флуктуациями) и более сложной комбинации причин — экономических, эпидемиологических,

геополитических. Он представляет собой серию внешних (по отношению к экономике) шоков, которые начались почти десятилетие назад и наслаиваются друг на друга, порождая сложные кумулятивные эффекты, часть которых проявляется в краткосрочном периоде, а другая часть имеет отложенный и, по всей видимости, долгосрочный характер, который на данный момент оценить затруднительно.

В представленной работе мы концентрируемся на адаптивных и проактивных реакциях населения к событиям 2022 г., но следует учитывать, что ему предшествовал непростой семилетний рецессивный период и текущие реакции не просто отделить от более сложных кумулятивных эффектов. Необходимо понять, насколько быстрыми и насколько глубокими являются шоковые воздействия на материальное благосостояние населения, уровень и характер занятости, практики финансового и потребительского поведения, репродуктивные и общие жизненные планы; насколько эти шоки отражаются на психологическом состоянии людей; какие группы (возрастные, образовательные, доходные) оказываются в наиболее уязвимом положении. По многим важным вопросам в отсутствие полной ясности сталкиваются разные точки зрения. Например, одни исследователи считают, что экономические кризисы бьют в первую очередь по менее обеспеченным и наименее квалифицированным слоям населения [Ferreira et al., 1999; Halac, Schmukler, 2004; Whelan et al., 2016; Dufour, Orhangazi, 2014]. Другие придерживаются противоположного взгляда, утверждая, что в большей степени страдают группы с более высокими статусами, которым есть что терять [McKenzie, 2003], и что кризисы производят временные выравнивающие эффекты, снижающие неравенство между группами с высоким и низким уровнями дохода [Lokshin, Ravallion, 2000; Kotelnikova, Radaev, 2017].

Мы исходим из того, что население не просто пассивно адаптируется к происходящим изменениям, но вырабатывает специфические практики совладания (coping) с внешними шоками. Здесь тоже возникает множество непростых вопросов: пытаются ли домохозяйства, несмотря на снижение текущих доходов, сохранять привычный стиль жизни, в том числе путем поиска дополнительных заработков или расходования сбережений; в какой степени работают механизмы сглаживания (smoothing), препятствующие трансляции изменений текущих доходов в изменение потребления. Экономисты давно объясняют подобное сглаживание посредством гипотезы перманентного дохода [Friedman, 1957; Hall, Mishkin, 1982], а социологи — через влияние устойчивых потребительских привычек [Skoufias, 2003; Zurawicki, Braidot, 2005], но в любом случае мы нуждаемся в надежных эмпирических свидетельствах. Имеют ли домохозяйства возможности для откладывания средств, например, на черный день, а если имеют, то откладывают ли? Какими способами они приспособливают свои практики потребления — экономят и ищут более дешевые варианты, осуществляют рекомпозицию потребительских расходов или частичное замещение привычных продуктов и услуг? Приходится ли им отказываться от сложившихся повседневных практик в силу растущей ограниченности имеющихся ресурсов или по причине пропажи из магазинов привычных товаров? Просматриваются ли какие-то модели (паттерны) поведения, например упрощение практик в период возрастающей неопределенности [Shama, 1981], и как они дифференцируются по основным группам населения?

Выявлению типологических характеристик воздействия разных российских кризисов на потребительские практики населения ранее была посвящена специальная работа Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ (ЛЭСИ), построенная на национальных опросных данных RLMS–HSE [Kotelnikova, Radaev, 2017]. В этом исследовании на основе анализа последствий четырех российских кризисов постсоветского периода было выявлено несколько общих паттернов. В годы всех рассмотренных кризисов вслед за снижением текущих доходов сокращались потребительские расходы на все основные категории товаров и услуг, за некоторыми исключениями в отношении низкодходных групп, которым уже нечего было со-

кращать. В целом домохозяйства демонстрировали крайне ограниченные возможности в части сглаживания собственного потребления в условиях внешних шоков¹. Более активно использовалось перераспределение ресурсов между разными статьями. Расходы на продукты питания всегда ожидаемо сокращались в меньшей степени, чем расходы на непродовольственные товары и услуги, в соответствии с классическим законом Энгеля [McKenzie, 2003]. Еще меньше сокращения затрагивали продовольственные товары первой необходимости и обязательные платежи. В части услуг больше всего страдали расходы на культурные продукты и развлечения и куда в меньшей степени — на медицинские услуги. И в целом происходило заметное упрощение структуры потребления. При этом, по опросным данным, в ходе всех кризисов наблюдалось некоторое сокращение неравенства по доходам, в основном за счет высокодоходных групп. Вместе с тем выравнивание потребительских расходов не выглядело универсальной тенденцией, но проявлялось в ряде важных случаев, когда наблюдалось более существенное сокращение этих расходов в высокодоходных группах, которые проигрывали относительно больше, чем низкодоходные [Kotelnikova, Radaev, 2017]. Таким образом, кризисы производили временные сдерживающие («дисциплинирующие») эффекты в отношении потребительского поведения [Alonso et al., 2015]. В какой степени эти паттерны сохранились в ходе текущего кризиса, еще предстоит выяснить.

Предлагаемая вашему вниманию новая работа ЛЭСИ НИУ ВШЭ посвящена оперативному анализу текущих событий и обобщает первые итоги исследования, полученные на основе данных специального опроса российского населения. Опрос проводился Исследовательской группой ЦИРКОН в октябре 2022 г. Данные собирались посредством очного формализованного интервью по месту жительства респондентов. Средняя длительность интервью составила 27 мин. Для достижения репрезентативности применялась случайная маршрутная выборка. Дизайн выборки был многоступенчатым: на первой ступени отбирались территориально-административные единицы, на второй производился отбор начальных адресов маршрутов опроса, на третьей предполагался отбор домохозяйств на маршруте, а на четвертой ступени интервьюеры рекрутировали респондентов среди членов домохозяйств в соответствии с квотными заданиями. Средняя доля отказов от участия среди респондентов из числа тех, кто был приглашен к участию в опросе (количество установленных контактов — около 9 тыс. человек), составила примерно 72%. Самые высокие доли отказа наблюдались в столичных городах — Москве и Санкт-Петербурге (90 и 86% соответственно), а также в Республике Башкортостан (91%); самый низкий уровень отказов зафиксирован в Брянской (36%) и Вологодской (39%) областях.

По итогам чистки и ремонта выборки в финальный массив данных было включено 2 тыс. анкет. Данные опроса репрезентируют взрослое население России (18 лет и старше) по таким параметрам, как пол, возраст, тип населенного пункта и география. Структура выборочной совокупности соответствует структуре населения Российской Федерации согласно официальной статистике Росстата «Распределение населения Российской Федерации по полу и возрасту по муниципальным образованиям» на 1 января 2022 г. Погрешность выборочной совокупности не превышает 3,5%.

В процессе анализа в фокусе нашего внимания находится множество вопросов, характеризующих изменение текущего положения россиян и практики, с помощью которых они пытаются совладать с возникающими трудностями. Среди этих вопросов упомянем следующие:

---

¹ Некоторые предшествующие исследования указывали на способность российских домохозяйств сгладить около 50% шока дохода. При этом возможности такого сглаживания были ниже для сельских жителей и имевших более низкие доходы [Мамедли, Синяков, 2018].

- что произошло в течение 2022 г. с материальным положением семей опрошенных россиян; какие меры люди предпринимали, чтобы улучшить материальное положение своих семей; от чего им приходится отказываться и что они пытаются сохранить, несмотря на возникшие трудности;
- насколько часто людям приходилось терять работу или менять место работы; пытались ли они искать дополнительные заработки, организовать собственное предприятие или становиться самозанятым; насколько распространены сегодня практики работы в удаленном режиме; в какой степени люди вовлечены в использование современных цифровых технологий;
- как меняется финансовое поведение населения; изменилось ли отношение к денежным сбережениям; выросли ли задолженности по разного рода кредитам, появились ли просрочки по обязательным платежам;
- что изменилось в потребительском поведении сограждан, приходилось ли им увеличивать или сокращать потребление тех или иных товаров и услуг, а также отказываться от чего-то полностью; как потребители относятся к распространению поддельных товаров в условиях ухода из России многих глобальных брендов;
- как возникшие трудности сказались на физическом здоровье и эмоциональном состоянии людей, прибегали ли они к психологической помощи и приему успокоительных медицинских препаратов; изменилось ли в условиях нарастающего стресса их отношение к потреблению алкоголя и курению;
- как отразились геополитические события 2022 г. на жизненной ситуации людей, их отношениях с членами семьи и друзьями, планах относительно рождения детей; что ожидают наши соотечественники от будущего, в состоянии ли они его как-то планировать.

В данном исследовании мы попытаемся кратко ответить на поставленные вопросы. Речь идет о самых первых выводах, полученных с «рабочего стола» на основе свежих эмпирических данных. Более глубокие исследования по отдельным наиболее важным вопросам планируются нами на ближайшее будущее. Мы осознаем ограничения опросных подходов к измерению кризисных явлений, построенных на прямой операционализации [Рогозин, 2015]. Но, надеемся, нам удалось уловить множество важных закономерностей.

Структура работы выглядит следующим образом. Первый раздел исследования («Самооценки и опасения») посвящен тому, как респонденты оценивают материальное положение своей семьи и состояние собственного здоровья (физического и психологического), а также чего они опасаются в первую очередь в связи с текущими кризисными событиями. Во втором, самом большом разделе («Поведение и адаптация к кризису») анализируются разнообразные практики поведения, с помощью которых население пытается справиться с возникающими трудностями. Прежде всего речь идет о трудовых, предпринимательских, финансовых и потребительских практиках. Наконец в третьем разделе («Семья и планы на будущее») мы обращаемся к внутрисемейным отношениям, репродуктивному поведению и общим планам людей на перспективу.

Исследование выполнено Лабораторией экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Мы благодарим И.В. Задорина и коллег из Исследовательской группы ЦИРКОН за помощь в подготовке и проведении исследования.

Раздел I

САМООЦЕНКИ И ОПАСЕНИЯ

В данном разделе мы рассмотрим, как респонденты определяют текущее материальное положение своей семьи и его динамику, как они оценивают состояние собственного здоровья (физического и психологического), а также чего опасаются в первую очередь в связи с текущими кризисными событиями.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ

Анализируя влияние текущих кризисных явлений, мы начнем с изменения материального положения семей. В данном разделе будет рассмотрено несколько важных вопросов:

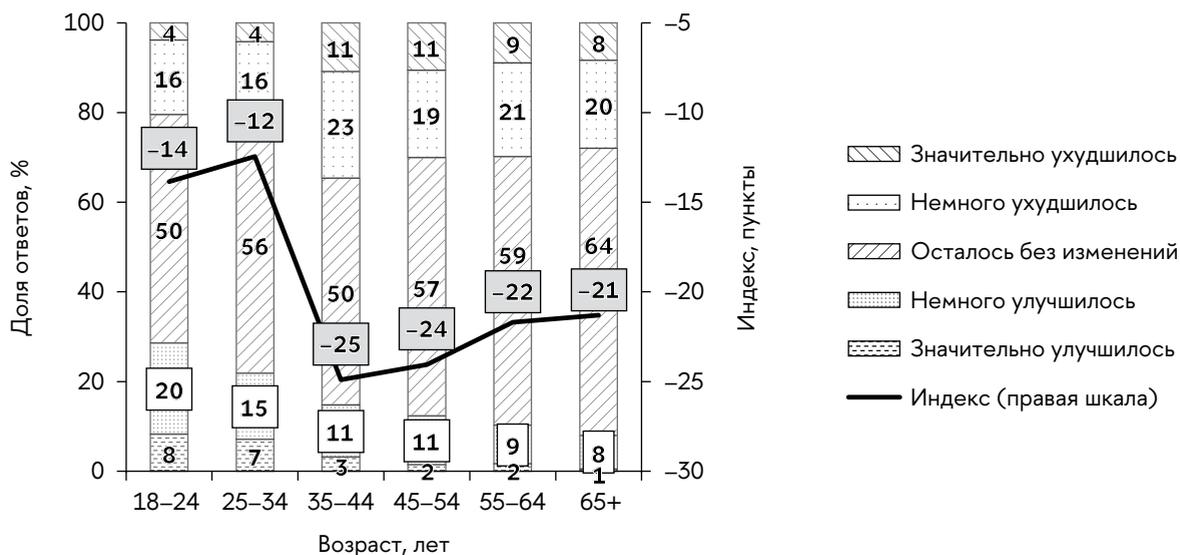
- Что произошло в течение 2022 г. с материальным положением опрашиваемых семей?
- Для каких социально-демографических групп этот кризис стал наиболее ощутимым, а кому удалось улучшить свое материальное положение?
- Имеет ли изменение материального положения региональную специфику?
- Что ожидают наши соотечественники в плане изменения материального положения? Есть ли у них уверенность в обеспечении себя и своей семьи самым необходимым в ближайший год?

Ухудшение материального положения наблюдается вдвое чаще, чем улучшение

Начнем с вопроса: «Как изменилось за период с начала 2022 г. материальное положение Вашей семьи?». Об улучшении своего благосостояния в той или иной степени заявляют 14% семей, 57% говорят об отсутствии изменений¹, а 28% указывают на ухудшение материального положения (затруднились ответить — 1,3%). Таким образом, **материальное положение большинства семей за текущий год, по их оценкам, не изменилось**. При этом среди тех, у кого в 2022 г. оно изменилось, баланс положительных и отрицательных ответов существенно смещен в сторону отрицательных оценок: **доля респондентов, чье материальное положение ухудшилось, в 2 раза больше тех, кто отмечает улучшение**.

Официальные данные Росстата показывают, что по итогам третьего квартала 2022 г. (когда проводился наш опрос) реальные располагаемые доходы

¹ В целом это соответствует более ранним данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС в 2015–2019 гг., показывавшим неизменность материального положения для 50–60% опрошенных на протяжении всего периода [Логинов, 2020].

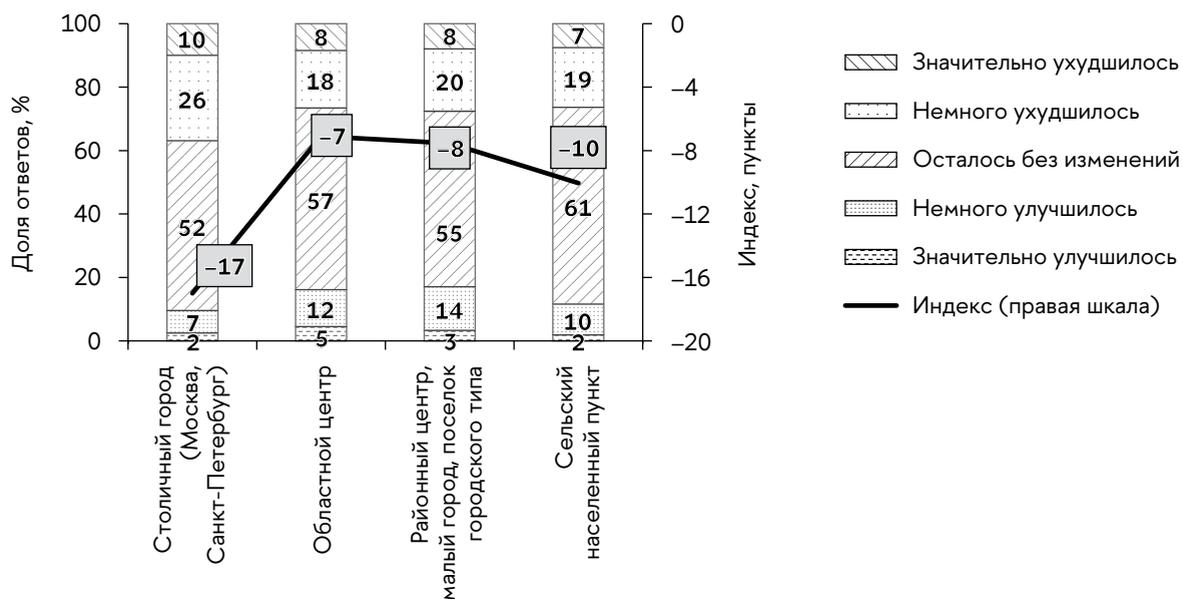
Рис. 1.1. Индекс изменения материального положения семей с начала 2022 г. по возрастным группам, % по столбцам

населения снизились на 3,4% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Таким образом, снижение доходов в июле–сентябре ускорилось относительно второго квартала года (тогда оно составляло -0,8%). Как объясняют эксперты, во втором квартале были проиндексированы страховые и социальные пенсии, повышен МРОТ, к которому привязаны многие пособия, введены новые пособия для семей с детьми в возрасте 8–16 лет, что улучшило динамику доходов в тот период².

Нами был выполнен анализ статистических различий для разных социально-демографических групп и рассчитан индекс изменения оценок материального положения. Индекс рассчитывался как разность между долями положительных и отрицательных ответов, при этом ответы «значительно улучшились/ухудшились» включались с весом 1, а «немного улучшились/ухудшились» — с весом 0,5. Выяснилось, что не наблюдается различий в оценках по полу респондентов и наличию высшего образования. Молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет по сравнению со старшими поколениями чаще отмечают улучшение материального положения (рис. 1.1). На ухудшение материального положения чаще указывают люди в возрасте от 35 до 44 лет (34% в этой возрастной группе). Доля негативных оценок среди людей в возрасте старше 45 лет — 30%. **С возрастом растет доля тех, чье материальное положение не изменилось:** 51% — в возрастной группе 18–34 года и 64% — среди тех, кто старше 65 лет.

По территориальному признаку на улучшение материального положения чаще указывают жители областных центров и малых городов (по 17% в каждой группе), а вот **оценки населения столиц значительно пессимистичнее:** 36% жителей Москвы и Санкт-Петербурга говорят об ухудшении их материального положения в 2022 г. (в других населенных пунктах — 26–28%). По-видимому, уровень жизни в столицах изначально был выше, чем в других городах, а негативные эффекты от международных санкций здесь, вероятно, выше, потому что ухудшение положения в столицах кажется более ощутимым (рис. 1.2).

² URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2022/6362802c9a7947d5c397cd54>.

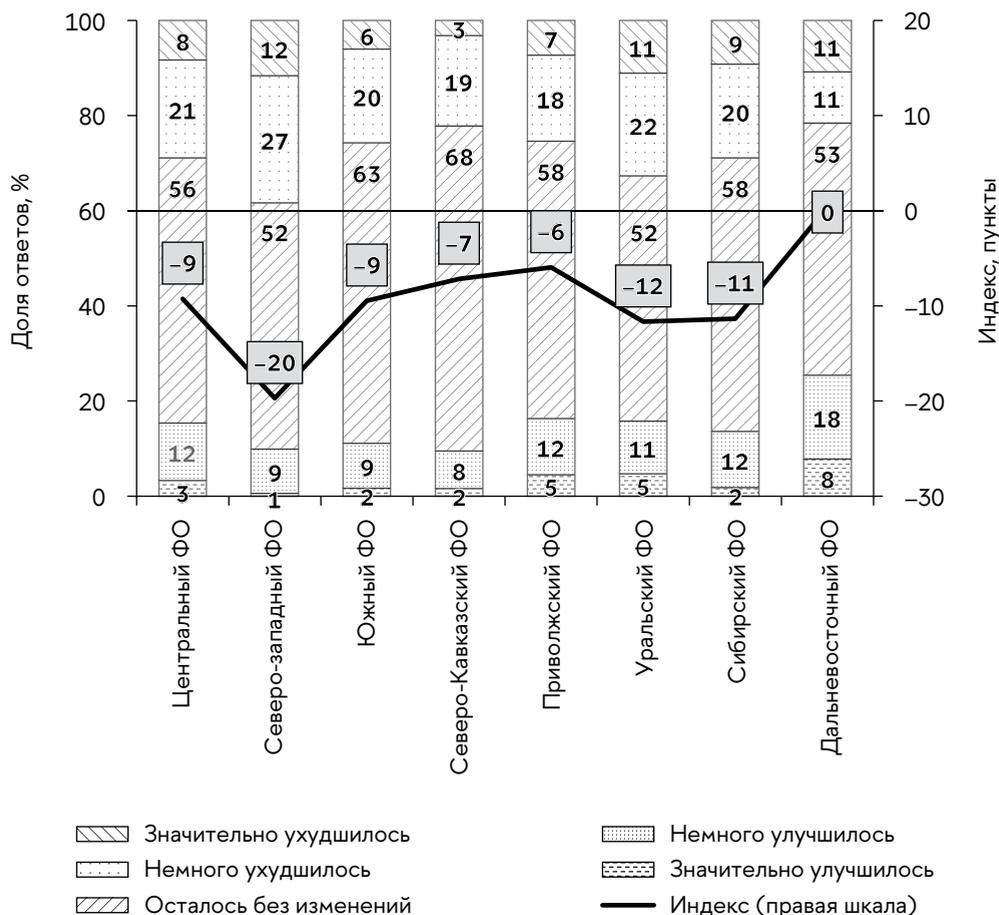

Рис. 1.2. Индекс изменения материального положения семей с начала 2022 г. по типу населенного пункта, % по столбцам

В разрезе федеральных округов (ФО) чаще (26% опрошенных) отмечалось улучшение материального положения в Дальневосточном ФО. **Наиболее сложная ситуация в Северо-Западном ФО**, где 39% жителей указывают на ухудшение личного благосостояния (это максимальное значение среди всех ФО) и только 10% — на его улучшение. Возможно, здесь работает эффект европейского приграничья. В Южном и Северо-Кавказском ФО доля респондентов, отмечающих позитивные перемены в материальном положении, тоже невелика (11 и 10% соответственно), но при этом тех, кто говорит об ухудшении ситуации, здесь меньше по сравнению с Северо-Западным ФО (26 и 22% соответственно). Зато к жителям Северо-Запада близки по своим настроениям уральцы — 33% жителей этого округа отмечают негативные изменения личного материального положения (рис. 1.3). Н.В. Зубаревич, опираясь на статистические данные, объясняет сложившуюся ситуацию следующим образом. Для регионов с предприятиями автомобильной промышленности, ТЭК и черной металлургии (Северо-Запад, Поволжье, часть Урала) кризис проявился заметнее, создавая существенные риски сжатия занятости. Аграрные регионы Юга и Дальний Восток (за исключением Сахалина) проходят кризис мягче благодаря сохранению внутреннего спроса на пищевую продукцию и ее экспорт на Юге, а дальневосточные регионы — вследствие ориентации на азиатские рынки, особенно Китай [Зубаревич, 2022, с. 232].

Неопределенность в оценках будущего материального положения высока

Для оценки ближайшего будущего задавался вопрос: «Как изменится материальное положение Вашей семьи через 12 месяцев?». Можно заключить, что **ожидания населения в отношении изменения материального положения в ближайший год характеризуются высоким уровнем неопределенности**. Доля затруднившихся ответить здесь выросла с 1,3% при оценке

Рис. 1.3. Индекс изменения материального положения семей с начала 2022 г. по федеральным округам, % по столбцам

текущего положения до 22,7%. На то, что их благосостояние в той или иной степени улучшится, надеются 20% опрошенных, 17% ожидают ухудшение своего материального положения, а 40% считают, что все останется без изменений. Таким образом, позитивные и негативные оценки здесь более сбалансированы. Не наблюдается и дифференциации по типам поселений, в отличие от оценок текущего материального положения.

На выявление ожиданий был нацелен еще один вопрос: «Насколько вероятно то, что Вы не сможете обеспечивать себя и свою семью самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?». Большинство опрошенных (59%) считают, что это маловероятно. Тем не менее **четверть респондентов допускают, что не смогут обеспечить свою семью даже самым необходимым**. На высокую вероятность такого исхода указывает большинство (70%) тех, кто ожидает ухудшение своего материального положения в ближайший год. Важно отметить, что доля затруднившихся ответить здесь тоже довольно внушительна — 17,1%. Люди, столкнувшиеся с серьезными финансовыми сложностями в период пандемии, ожидали улучшения ситуации в лучшую сторону с ее окончанием [Гришина, 2021; Каравай, 2021; Слободенюк, 2021], но события 2022 г. значительно сократили долю оптимистов.

Основные выводы

Материальное положение более половины российских семей за текущий год, по их оценкам, не изменилось. Среди остальных респондентов ухудшение материального благосостояния люди отмечали вдвое чаще, чем его улучшение. На улучшение материального положения чаще указывают жители областных центров и малых городов, а вот оценки жителей столиц значительно пессимистичнее. Наиболее сложная ситуация в Северо-Западном и Уральском федеральных округах.

Позитивные и негативные оценки изменения материального положения в ближайший год более сбалансированы, чем оценки текущей ситуации. Но уровень неопределенности в отношении будущего весьма высок — почти каждый четвертый здесь затруднился с ответом. Отвечая на вопрос, смогут ли респонденты обеспечивать себя и свою семью самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, около четверти опрошенных допускают, что сделать этого не смогут.

КАК МЕНЯЕТСЯ ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЯН

В данном разделе выясняется, как переживаемые в последний период трудности сказались на здоровье людей и что люди предпринимают для решения возникающих проблем со здоровьем. При этом мы анализируем не только физическое здоровье, но и психологическое состояние опрошенных, полагая, что в период нестабильности можно ожидать ухудшение этого состояния. Ранее уже исследовалось влияние на психологическое здоровье пандемии коронавируса [Шматова, 2021; Самойлова и др., 2021] и экономических кризисов [Marazziti et al., 2021]. В развитие данной темы нами ставились следующие вопросы:

- Как люди оценивают состояние своего здоровья по сравнению с другими людьми их возраста?
- Какая доля респондентов болела ковидом с начала пандемии и вакцинировалась от коронавируса?
- Как с начала 2022 г. изменилось физическое и психологическое самочувствие россиян?
- Случались ли у них нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие?
- Обращались ли люди за консультациями к психологу, психотерапевту или психиатру?
- Употребляли ли они лично антидепрессанты, успокоительные средства?

Половина россиян считает, что переболела ковидом

Для самооценки здоровья задавался следующий вопрос: «Как Вы оцениваете Ваше здоровье по сравнению с другими людьми вашего возраста?» (варианты ответов: от 1 — «очень хорошее» до 5 — «очень плохое»). В результате как «хорошее» и «очень хорошее» оценили свое здоровье 44,9% опрошенных, столько же оценили здоровье как среднее («не хорошее, но и не плохое»), остальные 10,2% — как «плохое» или «очень плохое». Ожидаемо **самооценка здоровья сильно зависит от возраста**: среди людей в возрасте 45–64 лет свое здоровье как скорее плохое оценили 11,7%, а среди тех, кто старше 64 лет, — 16,6%. Это соответствует данным других российских исследований, показывающих, что возраст — главный фактор ухудшения здоровья людей [Мишина, Майер, 2022]. Женщины в целом оценивают свое здоровье несколько хуже, что соответствует результатам других исследований (хотя уровень смертно-

сти выше среди мужчин). **Высока корреляция между самооценкой здоровья и материальным положением:** среди самых обеспеченных («можем купить автомобиль») считают, что у них скорее хорошее здоровье, 70,6%, а среди самых бедных («покупка одежды вызывает затруднения») — лишь 26,5%. Несколько мягче взаимосвязь с уровнем образования: половина людей с высшим образованием считает свое здоровье хорошим, и немного более трети — те, кто не имеет полного общего образования. Жители Москвы и Санкт-Петербурга несколько чаще оценивают свое здоровье как хорошее по сравнению с сельскими жителями.

Существенным для оценки здоровья является влияние пандемии коронавируса. Мы спрашивали: «*Болели ли Вы ковидом с начала пандемии?*» (варианты ответов: не болели; скорее всего болели, но без подтвержденного диагноза; болели с подтвержденным диагнозом). Почти половина россиян (49,4%) ответила, что не болели ковидом, болели с подтвержденным диагнозом 27,6%, а 23% считают, что скорее всего болели, но без подтвержденного диагноза. Доля переболевших даже с подтвержденным диагнозом в нашем случае выше официальных оценок: согласно Интерфаксу, на 20 ноября 2022 г. «в России за время пандемии зарегистрировано 21 536 229 случаев заражения коронавирусной инфекцией»³, что составляет менее пятой части населения России в возрасте 18 лет и старше, даже без учета повторных заболеваний. Многие заболевания не фиксировались и не попадали в официальную статистику.

Выше всего доля не болевших среди пожилых (55,1%) и молодых (49,6%) людей. Женщины болели реже мужчин (44,4 против 55,3%). Доля неболевших ниже среди людей с высшим образованием (40%). В Москве и Санкт-Петербурге ожидаемо больше тех, кто столкнулся с коронавирусом, — 62,7% (в сельской местности — лишь 45,3%). **Между переменными «самооценка здоровья» и «болел ковидом» наблюдается значимая взаимосвязь** (по критерию хи-квадрат), в том числе при контроле возрастных групп. Так, среди людей с очень хорошим здоровьем не болели ковидом 68,8%, а среди людей с плохим и очень плохим — 50%. Правда, среди людей в возрасте 65 лет и старше значимой взаимосвязи между опытом перенесения ковида и уровнем здоровья нет. Однако ничего нельзя сказать о направленности такой связи — скорее всего, люди с плохим здоровьем болеют ковидом чаще, но у переболевших, как правило, ухудшается самочувствие на длительное время (так называемый лонгковид).

Для оценки действий населения в связи с пандемией задавался вопрос: «*Вакцинировались ли Вы от коронавируса?*» (варианты ответов: вакцинировались однократно; ревакцинировались после первоначальной вакцинации; не вакцинировались, но собираетесь вакцинироваться; не вакцинировались и не собираетесь вакцинироваться). **Более 40% респондентов сообщили, что не вакцинировались от коронавируса и не собираются это делать** (41,9%); планируют вакцинироваться 3,2%; остальные 54,9% сделали прививку, в том числе 29,2% — также и бустер (повторную вакцинацию). Это весьма точно соответствует статистическим данным на ноябрь 2022 г., в соответствии с которыми хотя бы одной дозой в России вакцинировано 60% граждан⁴. Доля невакцинированных выше всего среди пожилых респондентов (44,8%) и людей в возрасте 35–44 лет (43,8%). Напротив, она ниже среди людей с высшим образованием (35,8%) и среди жителей столиц (37,6%) по сравнению с сельскими жителями (44,2%). Гендерных различий не обнаружено. Взаимосвязь самооценки здоровья и наличия прививки от ковида есть, но значимость ее невелика (по критерию хи-квадрат — 0,042). **В целом люди с более плохим здоровьем вакцинируются реже**, что также было подтверждено нами на других данных [Roshchina et al., 2022]. Что касается взаимосвязи наличия прививки и заболевания ковидом, то хотя между этими переменными связь есть (те, кто не болел, несколько чаще (49%)

³ URL: <https://www.interfax.ru/russia/873319>.

⁴ URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations>.

отвечают, что не вакцинировались и не собираются, чем в среднем по выборке, — 45,3%), однако говорить здесь о прямой связи мы не можем. В целом эта связь более сложная и требует дополнительного анализа.

У трети россиян ухудшилось физическое и психологическое самочувствие

Отвечая на вопрос: «Как изменилось за период с начала 2022 г. Ваше физическое самочувствие?», более половины респондентов (57,2%) заявили, что их физическое самочувствие не изменилось с начала 2022 г., у 10,2% немного или значительно улучшилось, у 26% — немного ухудшилось, а у 6,5% — значительно ухудшилось. В первую очередь **ухудшение физического здоровья связано с возрастом**. Среди людей в возрасте 18–34 лет такое ухудшение (по сумме двух ответов) отметили 23,3%, в возрасте 35–44 лет — 37,3%; среди пожилых, кому уже исполнилось 65 лет или более, 33,9% ответили, что их физическое самочувствие немного ухудшилось, а 11,4% — значительно ухудшилось. Женщины чаще отмечают ухудшение здоровья по сравнению с мужчинами (36,4 против 28,2%), бедные — по сравнению с богатыми (46,2 против 11,8%). Различия по уровню образования незначительные, но люди с высшим образованием чуть реже отмечали ухудшение, чем те, у кого нет полного среднего образования (34,2 по сравнению с 31,4%). Жители Москвы и Санкт-Петербурга чаще, чем жители села, считали, что их физическое состояние стало хуже (38,8 против 31,8%).

Аналогичный вопрос задавался про психологическое самочувствие. Большинство россиян (58,1%) заявило, что их психологическое самочувствие с начала 2022 г. не изменилось; 8,5% отметили улучшение, 24,7% — некоторое ухудшение, а 8,6% — значительное ухудшение. В отличие от физического состояния, **изменение психологического самочувствия практически не зависит от возраста**. В то же время и здесь проявляются те же гендерные различия, **ухудшение психологического самочувствия отметили почти 40% женщин и лишь немногим более четверти мужчин**. Среди самых бедных ухудшение психологического самочувствия отмечали в 3 раза чаще, чем среди самых обеспеченных респондентов (44,7 против 15,3%). Как и ожидалось, доля чувствующих ухудшение психологического состояния растет с уровнем образования: среди тех, у кого нет полного среднего образования, — 18,2%, у кого оно есть — 28,7%, среди людей со средним профессиональным образованием — 33,5%, а с высшим — 37,5%. С уровнем урбанизации растет доля тех, чье психологическое состояние стало хуже (29,4% в селах и 42,9% в мегаполисах).

Ожидаемо **между изменением физического и психологического самочувствия очень высокая корреляция**, т.е. в основном у тех, у кого ухудшилось одно, ухудшилось и второе. Так, если среди всех россиян ухудшение психического самочувствия отметили 33,3%, то среди тех, у кого физическое самочувствие немного ухудшилось, — 54,3%, а у кого сильно ухудшилось — 64,2%.

У трети россиян в 2022 г. были нервное расстройство, депрессия или плохое эмоциональное самочувствие

В продолжение оценки психологического самочувствия следовал сопряженный вопрос: «Были ли у Вас нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие в прошлом 2021 г.? А в нынешнем 2022 г.?». Наличие нервных расстройств, депрессии, плохого самочувствия в 2021 г. отметили 28,5% опрошенных, а в 2022 г. эта доля немного, но возросла до 32,2% (табл. 1.1). Это в целом близко к оценкам мониторинга Института психологии РАН:

Таблица 1.1. Психологическое самочувствие и поведенческие практики населения России в 2021–2022 гг., %

Показатель	2021	2022
Имели нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие	28,5	32,2
Обращались за консультациями к психологу, психотерапевту или психиатру	5,3	5,2
Принимали антидепрессанты и успокоительные средства	13,9	14,5

«в мае–августе 2022 г. доля респондентов с симптоматикой тревоги составляла 20–21%, а с симптоматикой депрессии — 32–35%» [ИНП РАН, 2022]. Но если в 2021 г. доля таких людей была выше всего среди пожилых людей в возрасте 65 лет и старше (30,4%), а ниже всего — среди молодежи 18–35 лет (24,7%), то в 2022 г. наличие таких расстройств практически не зависело от возраста, т.е. их доля среди пожилых снизилась, а среди молодых выросла.

Депрессия более характерна для женщин, причем доля испытывавших ее выросла с 31,9 до 37,5%, тогда как среди мужчин она практически не изменилась, оставаясь на уровне 25–26%. Психологическое состояние намного хуже среди малообеспеченных (39% в 2021 г. и 42,1% в 2022-м) по сравнению с обеспеченными (19,1% в оба периода). Доля людей с психологическими проблемами была ниже всего среди тех, у кого полное среднее образование, при этом во всех остальных образовательных группах она выросла сильнее. Депрессивные состояния и в 2021 г., и в 2022 г. были наиболее типичны для жителей Москвы и Санкт-Петербурга, хотя соответствующая доля выросла во всех типах населенных пунктов.

В большинстве случаев депрессия не является краткосрочным состоянием. Среди тех, кто заявил о нервном расстройстве в 2021 г., 82% страдали по этой причине и в 2022 г. (18% избавились от него). Так что в подавляющем большинстве это одни и те же люди. Однако к ним добавились новые пострадавшие: среди тех, у кого в 2021 г. не было таких расстройств, 12,3% почувствовали депрессивное состояние, что может быть связано в том числе с реакцией на текущий кризис. **Среди переболевших ковидом доля тех, кто страдал от депрессии, была значимо выше** и в 2021 г. (32,2 против 25,3% среди неболевших), и в 2022 г. (36,8 против 27,9% среди неболевших). Этот результат соответствует многочисленным медицинским исследованиям, показывающим, что перенесенный коронавирус оказывает длительное негативное влияние на весь организм, в том числе кровеносную и нервную системы. В чатах и социальных сетях существуют группы тех, кто переболел ковидом и нуждается в помощи, в том числе психологической, из-за длительной депрессии.

Каждый двадцатый россиянин обращался к психологу

Как люди пытаются справиться с нервными расстройствами? Мы спрашивали респондентов: «Обращались ли Вы за консультациями к психологу, психотерапевту или психиатру в прошлом 2021 г.? А в нынешнем 2022 г.?». Выяснилось, что в данном случае ситуация не изменилась: за такими консультациями обращались в 2021 г. 5,3% и столько же в 2022 г. (5,2%). При этом к психотерапевтической помощи чаще прибегают молодые люди: в 2021 г. среди людей 18–34 лет это делали 6,7%, а среди пожилых — 3%. В 2022 г. произошло небольшое выравнивание: эта доля среди молодежи немного упала до 5,8%, а среди пожилых несколько выросла до 4,3%. Женщины пользуются услугами психологов несколько чаще мужчин, и здесь в 2022 г. ситуация практически не изменилась, хотя во всех этих случаях сложно говорить о значимости различий в силу малого размера групп. Бедные обращаются за помощью чаще обеспеченных

(7,2 против 2,7% оба года), а люди с высшим образованием чаще, чем без него. Ожидаемо подобные услуги более доступны в мегаполисе — 9,7% по сравнению с 4% в сельской местности в 2022 г. (с 2021 г. различия незначительны). Конечно, в подавляющем большинстве случаев к психологу обращаются те, кто отметил у себя плохое эмоциональное состояние или нервное расстройство: связь значима и для 2021 г., и для 2022 г. Так, в 2022 г. среди страдавших от нервных расстройств к психологу обращались 12,6%, а среди нестрадавших — лишь 1,5%.

Доля потребителей антидепрессантов и успокоительных средств почти не выросла

Наконец задавался вопрос: «Употребляли ли Вы лично антидепрессанты, успокоительные средства в прошлом 2021 г.? А в нынешнем 2022 г.?» (да или нет). Принимали антидепрессанты и успокоительные средства в 2021 г. 13,9%, а в 2022 г. — 14,5% (см. табл. 1.1). Так что, согласно нашим данным, доля пользующихся этими препаратами в 2022 г. изменилась очень незначительно. Это контрастирует с некоторыми статистическими данными. Так, по итогам исследования Центра развития перспективных технологий (ЦРПТ), «за девять месяцев 2022 г. траты россиян на антидепрессанты достигли 5 млрд руб. — на 70% больше, чем годом ранее... В штуках рост продаж антидепрессантов составил 48%»⁵. Возможно, этот рост был вызван в первую очередь увеличением длительности или объема приема препаратов, а не количества пользователей. Следует учитывать и сенситивность данного вопроса, что может обусловить занижение опросных данных. Чаще пьют такие средства пожилые люди: 17,3% в 2022 г. (по сравнению с 2021 г. изменение незначимое). Напротив, реже всего это делает молодежь — 12,7% в 2022 г. (практически столько же и в 2021 г.). Лишь среди тех, кому 45–64 лет, потребление антидепрессантов немного выросло — с 13,3 до 15,2%. **Доля принимающих успокоительные средства среди женщин почти в 2,5 раза выше, чем среди мужчин**, — 19,8 против 8,4% (в 2022 г. она не изменилась), а среди бедных — в 2 раза выше, чем среди обеспеченных, — 19,8 против 9,9% в 2022 г. (примерно так же было и в 2021 г.). Люди с неполным средним образованием прибегают к лекарствам чаще, чем люди с высшим или средним профессиональным образованием (20,7 против 14,3% в 2022 г., близкое соотношение было и в 2021-м). Чем крупнее тип поселений, тем чаще люди пьют успокоительные: в 2022 г. это делали 20,2% ответивших в Москве и Санкт-Петербурге, почти 15% жителей других городов и 11,1% сельских жителей. При этом самый большой (с 17,8 до 20,2%) рост наблюдался среди жителей мегаполисов, тогда как в остальных городах рост составил около 1 п.п., а в селах даже наблюдалось снижение на 1,1 п.п.

Очевидно, что спрос на антидепрессанты и успокоительные предъявляют прежде всего те, кто страдает от нервных расстройств: связь значима по критерию хи-квадрат для 2021–2022 гг. В 2022 г. среди тех, кто имел плохое эмоциональное состояние или депрессию, пили такие препараты 35%, а среди остальных — лишь 4,8%. Учитывая, что антидепрессанты продаются только по рецепту, можно полагать, что в случае этой категории людей часто речь идет о легких успокоительных. И неудивительно, что те, кто обращается к психиатру или психологу, значимо больше принимают успокоительные: 55,3% в 2022 г., тогда как среди необращавшихся — только 12,3%. Однако среди тех, кто в 2022 г. пил антидепрессанты, лишь 19,7% обращались к специалисту-психологу, т.е. **четверо из пяти справлялись с психологическими проблемами скорее при помощи таблеток**. Вероятно, чтобы их купить, им также необходимо было обратиться к врачу, скорее всего неврологу. Однако не исключено, что большинство решали

⁵ URL: <https://retailer.ru/rossijane-narastili-traty-na-antidepressanty-na-70/>.

проблемы самостоятельно, хотя, скорее всего, сочетание медикаментозного и психологического лечения могло бы дать бóльший эффект.

Основные выводы

Каждый десятый россиянин оценил свое здоровье как плохое или очень плохое, и на эти оценки значимо повлияла заболеваемость ковидом, который за весь период, по самооценкам, перенесла половина населения (включая неподтвержденные диагнозы). Заметим, что при этом почти половина опрошенных по-прежнему не вакцинирована (из них большинство не собираются это делать). В течение 2022 г. у трети россиян ухудшилось, по их оценкам, физическое самочувствие, и у трети произошло ухудшение психологического самочувствия (эти состояния сильно связаны между собой). Треть россиян испытывала в течение года нервные расстройства, депрессии или плохое эмоциональное самочувствие, причем эта доля за год несколько возросла (и последствия ковида стали одним из влиятельных факторов). Каждый двадцатый респондент обращался к психологу или психиатру, а каждый седьмой принимал антидепрессанты или успокоительные средства (четверо из пяти пили лекарства самостоятельно, без обращения к врачу).

В дифференциации оценок физического самочувствия важную роль играет возраст (больше проблем у пожилых), а уровень образования не столь значим. Однако оценки психологического самочувствия, наоборот, различаются в разрезе образовательных групп (больше проблем у высокообразованных), а возраст утрачивает свое значение. Почти во всех случаях более негативные оценки высказывают женщины, чем мужчины (за исключением того, что ковидом чаще болели мужчины), также женщины более активно пытаются справиться с депрессивными проявлениями — чаще обращаются к психологам и пьют успокоительное. Здесь тоже проявляются возрастные различия: молодые люди чаще ходят к психологам, а пожилые — используют лекарства. Заметно чаще ухудшение и физического, и психологического здоровья обозначается жителями столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) по сравнению с остальным населением. Они чаще страдают от депрессий и принимают антидепрессанты. Но наиболее значительный разрыв наблюдается по уровню материальной обеспеченности — больше всего проблем со здоровьем по всем линиям у представителей наиболее бедных слоев населения.

КАКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ КРИЗИСА РОССИЯНЕ ОПАСАЮТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО

Помимо объективных трудностей, которые испытывают люди в течение кризиса, важное значение имеет фактор ожиданий и настроений населения на ближайшее будущее. Такое «бытовое», «низовое» прогнозирование является частью стратегий, которые люди избрали или собираются избрать для того, чтобы справиться со своими повседневными трудностями, вызванными кризисом.

С 2018 г. ВЦИОМ проводит мониторинговое исследование «Индекс страхов» [ВЦИОМ, 2022a]. В частности, в аналитическом отчете ВЦИОМ за 2020 г. отмечены «три главных страха россиян: возможный рост социальной несправедливости, снижение доходов и недоступность привычных товаров» [ВЦИОМ, 2020]. Заметим, что к осени 2022 г. эти страхи заметно снизились. Также ВЦИОМ проводит мониторинг «Индексы восприятия инфляции» [ВЦИОМ, 2022b], согласно которому за 2022 г. «в сентябре только треть наших сограждан оценили инфляцию как высокую (за аналогичный период прошлого года эта доля была в два раза больше)» [Ермолаев, 2022], хотя фактическая инфляция была ниже. Вопросы в мониторингах ВЦИОМ лишь в

общих чертах описывают экономические трудности в период кризиса: это снижение доходов и повышение цен (дороговизна товаров). Также они не затрагивают некоторые специфические неэкономические черты текущего кризиса. В 2019 г. ЦИРКОН опубликовал результаты исследования, где измерялось 11 видов страхов россиян, включая риски выживания и безопасности, риски материальных потерь и риски свободы и признания [Нестик, Задорин, 2020]⁶. В данной работе мы концентрировались преимущественно на социально-экономических последствиях кризиса, но их представили довольно подробно, не ограничиваясь чисто финансовой составляющей, связанной с потерей доходов и ростом цен.

Нами также рассматривается влияние разных факторов на опасения россиян. Например, выдвигалась гипотеза о разной реакции городского и сельского населения на кризис, так как сельская местность в России обладает рядом особенностей, таких как депопуляция, отток молодежи, старение населения, бедность, отходничество, ведение приусадебного хозяйства, меньшая обеспеченность торговой, образовательной, медицинской и культурно-досуговой инфраструктурой [Покровский и др., 2015; Нефедова, 2003; Нефедова, Стариков, 2021; Петриков, 2020; Между домом..., 2016]. Разумеется, все эти факторы можно рассматривать по отдельности, но в данном случае они соединены в сельской местности как пространственно-историческом образовании.

Для того чтобы оценить опасения россиян в отношении ряда типовых проблем, которые несет с собой текущий кризис, в анкете был задан следующий вопрос: «Как Вы оцениваете вероятность следующих проблем в Вашей жизни в течение следующих 12 месяцев?» (варианты ответов: полностью уверен, что случится; скорее случится; скорее не случится; полностью уверен, что не случится; затрудняюсь ответить). Респонденты оценивали вероятность наступления 15 проблем. Этот вопрос отчасти повторяет вопрос в мониторинге ВЦИОМ «Индекс страхов», но не идентичен по формулировке и значительно отличается по списку предложенных проблем.

Больше всего опасений связано с доступностью качественных товаров и услуг

В процессе анализа мы объединили ответы «полностью уверен, что случится» и «скорее случится» и сгруппировали проблемы в несколько тематических блоков.

На первом месте находится снижение доступности товаров. В первую очередь речь идет об ожидаемо слишком сильном подорожании привычных товаров, которого опасаются три четверти респондентов (77%). Но ценовыми факторами дело не ограничивается, и вторая озабоченность связана с характеристиками этих товаров — две трети (67%) опасаются увеличения количества поддельных товаров (этой проблеме в данной работе посвящен специальный раздел) и ухудшения качества доступных товаров (50%). Наконец, возникают ожидания того, что товары перестанут быть доступными — сначала исчезнут многие технические новинки (электроника, бытовая техника и т.п.) (54%), а затем из магазинов начнут исчезать и привычные товары (47%)⁷.

Вплотную примыкают опасения, касающиеся снижения доступности услуг. Начиная с очевидного (того, что уже во многом произошло), ожидаются сложности с путешествиями из-

⁶ URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/925/Projekt-Doverie-i-zennostnaya-solidarizacia-strahi-i-opaseniya.pdf>.

⁷ Эти результаты несколько расходятся с данными опроса, проведенного в ноябре 2022 г. компанией «Б1» (ранее EY), в соответствии с которыми 63% россиян беспокоило снижение возможностей для покупок, 40% не могли найти замену среди российских товаров, а 33% были недовольны ценой или качеством альтернатив. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5756946>.

Таблица 1.2. Ожидаемые проблемы в течение следующих 12 месяцев, %

Проблема	Доля ответивших
Снижение доступности товаров:	
слишком сильное подорожание привычных товаров	77
увеличение количества поддельных товаров	67
ухудшение качества доступных товаров и услуг	50
недоступность многих технических новинок (электроника, бытовая техника и т.п.)	54
исчезновение из магазинов привычных товаров	47
Снижение доступности услуг:	
сложности с путешествиями из-за роста цен на билеты	58
невозможность получить качественную бесплатную медицинскую помощь	51
невозможность оплатить обучение детей или взрослых членов семьи	26
Потеря работы и доходов:	
снижение доходов	30
невозможность осуществить выплаты по кредитам/долгам	28
задержки с выплатой зарплаты или пенсий	19
потеря работы, невозможность устроиться на работу	13
Прочие проблемы:	
ухудшение жилищных условий	24
конфликты в семье, с близкими людьми	13
вынужденный переезд в другой город / другую страну	11

за роста цен на билеты (58%). Следом идут опасения, касающиеся доступности базовых социальных услуг, — невозможности получить качественную бесплатную медицинскую помощь (51%) и оплатить обучение детей или взрослых членов семьи (26%). Ясно, что проблемы доступа к образованию затрагивают интересы многих людей, а доступа к медицинским услугам — практически всех.

Менее выражены опасения по поводу потери работы и доходов. В целом снижение доходов беспокоит 30% опрошенных. С возможным снижением доходов связана невозможность осуществить выплаты по кредитам или долгам (28%). Согласно опыту российского рынка труда, в кризисные периоды работников не спешат увольнять, скорее сокращают зарплату или задерживают ее выплаты, в этом заключается специфика российской модели [Гимпельсон, Капелюшников, 2015]. Задержек с выплатой зарплаты или пенсий боятся 19%, а потери работы и невозможности устроиться на работу — 13%. Последний результат не вызывает удивления в условиях, когда фиксируется предельно низкий уровень безработицы (в октябре 2022 г. — на уровне 3,9%) и обострившийся дефицит кадров в ряде отраслей на фоне частичной мобилизации и выезда части экономически активного населения из страны.

Среди прочих проблем, уже менее распространенных, опасения вызывают ухудшение жилищных условий (24%), возможность возникновения конфликтов в семье, с близкими людьми (13%), а также возможность вынужденного переезда в другой город или в другую страну (11%). И то, что о возможном вынужденном переезде задумывается каждый девятый, не кажется маленькой цифрой (табл. 1.2).

Чтобы лучше понять логику высказываний респондентов, мы провели факторный анализ на 15 указанных выше переменных. В результате получена модель из трех факторов, объясняющих

48% совокупной дисперсии. *Первый фактор* объединяет опасения по поводу подорожания либо исчезновения привычных товаров, ухудшения качества товаров и услуг, увеличения числа поддельных товаров, недоступности технических новинок и невозможности получить качественную бесплатную медицинскую помощь. Условно эту группу можно назвать «потребительскими опасениями». Ко *второму фактору* относятся проблемы с оплатой обучения, выплатой кредитов, ухудшением жилищных условий, конфликтами в семье и с близкими, а также вынужденным переездом в другой город или страну. Эта группа выглядит довольно разнородной, но мы рискнем еще более условно назвать ее «опасениями по поводу базовых социальных потребностей», имея в виду образование, жилье, отсутствие долгов, миграцию и морально-психологический климат в ближайшем окружении. Наконец *третий фактор* объединяет опасения по поводу потери работы, снижения доходов и задержек с выплатой зарплаты или пенсии. Эту группу можно условно назвать «опасениями по поводу доходов».

Отметим, что первый и третий факторы в целом соответствуют выделенным нами ранее тематическим блокам проблем, подтверждая, что в сознании респондентов эти проблемы также связаны между собой.

Страхи по поводу кризиса относительно универсальны для большинства населения

Ранее мы делали предположение о том, что сельские и городские жители должны по-разному реагировать на кризис. Однако полученные результаты показывают, что **существенных различий между сельским и городским населением по характеру ожидаемых проблем от текущего кризиса не наблюдается**. Разница в ответах горожан и сельчан лишь в нескольких случаях достигает 5–6 п.п. Если же сравнить сельских жителей с жителями Москвы и Санкт-Петербурга как наиболее контрастной группой, то здесь мы также не увидим драматических отличий, однако некоторые все же можно отметить. Жители двух столиц больше обеспокоены возможным ухудшением качества доступных товаров и услуг (56 против 48%), увеличением количества поддельных товаров (75 против 64%), недоступностью технических новинок (60 против 50%), сложностями с путешествиями (65 против 53%) и вынужденным переездом в другой город или страну (16 против 9%). Сельское же население больше обеспокоено вероятностью ухудшения медицинского обслуживания (53 против 45%). Таким образом, **различия между столичными жителями и сельским населением состоят в опасениях по поводу не столько собственных финансов, сколько нарушения привычного образа жизни**. Столичные жители чаще опасаются потерять доступ к качественным, фирменным и модным товарам и услугам, а сельские жители чаще боятся потерять имеющуюся возможность бесплатного медицинского обслуживания, которое на селе и так катастрофически отстает от столичной медицины. Опасения столичных жителей, касающиеся вынужденного отъезда из своего города, вероятно, связаны с их более высокой мобильностью, однако различия с сельскими жителями и тут довольно скромные.

Для оценки влияния материального положения мы разделили респондентов на три доходные группы (по общему доходу семьи за предыдущий месяц): 1) 45 тыс. руб. и ниже, 2) от 45 тыс. до 100 тыс. руб. и 3) выше 100 тыс. руб. При сравнении низко- и высокодоходной групп проявилось несколько важных различий. Низкодоходная группа в большей степени опасается снижения своих доходов (32 против 24% в высокодоходной группе), подорожания привычных товаров (80 против 70%), ухудшения жилищных условий (29 против 20%), проблем с выплатой кредитов (31 против 22%), оплатой обучения (30 против 15%) и особенно с медицинской помощью (58 против 34%). Высокодоходная группа, в свою очередь, чаще опасается увеличения числа поддельных товаров (76 против 65%), недоступности технических новинок (60 против

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru